

Краткое содержание главы

В которой отряд из Пристани Лотоса отправляется на охоту за мусором, Вэй Усянь — сердитая наседка, а Сяо-Ю, похоже, знает что-то, чего ему знать не следует.

Через полчаса после того, как Вэй Усянь созвал старших учеников (на этот раз только шестерых, поскольку он предсказывает, что эта поездка будет короткой), личная баржа лидера Ордена Цзян причаливает к границе между озером Лотоса и болотным лесом. Сама граница — это полоска земли менее двадцати футов в поперечнике, но она возвышается достаточно высоко, чтобы оставаться сухой в течение всего года, кроме сезона зимних муссонов.

— Она уже начала уменьшаться, — замечает Юй Чжэньхун, когда Юй Сихань выпрыгивает из баржи и пересекает сухопутный мост менее чем за две секунды. — Старый Фэн, возможно, ошибается насчёт дождей, что начнутся через три дня.

Вэй Усянь наклоняется, чтобы осмотреть влажную почву, и кивает, прежде чем пойти помочь Сиханю и Суйин с лодками. Юй Чжэньхун привёз их четверых, поскольку каждая маленькая лодка вмещает двоих, и вскоре все лодки были извлечены из мешочков-цянькунь и спущены на воду на краю болотного озера, которое плещется у скользкого берега тише и медленнее, чем озеро Лотоса на другой стороне. А-Хун садится в самую большую лодку вместе с Вэй Усянем, в то время как ученики разбиваются на пары, и затем небольшая группа прокладывает себе путь сквозь глубокие тени, отбрасываемые недавно выросшими кипарисами, заполняющими болото.

— Что мы ищем, лидер Вэй? — спрашивает Дай Хуалин и замолкает, явно встревоженный глубоким хмурый взглядом на лице Вэй Усяня. — Это не... здесь нет другого пожирателя, не так ли?

— Что? Нет, конечно, нет. Чистая демоническая энергия не может вызвать болезнь, А-Хуа. Если она касается живой плоти, это обычно вызывает гангрену.

Суйин ахает и так сильно теребит свой световой талисман, что тот чуть не падает в болото.

— Но лидер Ордена, он задел тебя во время той прошлой ночной охоты!

— Ай-я, я исключение из правил, — отвечает Усянь, снисходительно махнув рукой, и щелчком запускает целый ворох светящихся чар для обнаружения трупов, активирует их и отправляет прыгать по поверхности воды. — Когда я впервые упал в Могильные курганы — когда Вэнь Чао сбросил меня туда, я имею в виду, а не после того, как я забрал Вэнь Нина и других с тропы Цюнци — в воздухе было так много демонической энергии, что я даже не мог видеть сквозь неё. Но меч, который я забрал из панциря Черепахи-Губительницы, защищал меня, я думаю. Есть причина, по которой Цишань Вэнь использовали гору Луанцзян для казней — у всех, кто был сброшен туда до меня, кожа и кости иссыхали, пока их сердца не переставали биться, а затем я

привёл их призраков с собой и использовал во время битвы.

Вэй Усянь решает, что это должно быть признаком того, насколько хорошо Юньмэн Цзян придерживается принципа попытки совершить невозможное, потому что его ученики, выслушав его, даже не моргают.

— И как использовать призраков во время битвы? — спрашивает Лю Фэн, подаваясь вперёд, в надежде услышать ответ, пока Ли Цзяншунь не начинает ругаться на него и тащить назад в вертикальное положение, чтобы лодка не опрокинулась. — Сражаются ли они вместе с призраками своего духовного оружия? Тётя Ли читала нам истории о призрачных мечах, когда мы были маленькими, и призрачные солдаты всегда...

— Мы слышали эту историю о призрачных мечах только потому, что ты никогда не позволяешь ей рассказывать одно и то же дважды, — фыркает Сяо Ян с задней части своей лодки. — Ей пришлось начать придумывать новые истории с тех пор, как тебе исполнилось шесть, А-Фэн. Так что, пора бы тебе уяснить — призрачных мечей не существует!

— Но ведь дух сабли Чифэн-цзюня вернулся, чтобы отомстить за него, разве нет?! — восклицает А-Фэн. — Я не прав, глава Вэй?

— Испорченные духи сабли не призраки, — рассеянно говорит Вэй Усянь. — Бася вернулась в нормальное состояние в тот момент, когда сердце Цзинь Гуаньяо перестало биться.

Ученики начинают спорить между собой, обсуждая, считается ли дух сабли, отделённый от тела духовного оружия, призраком или нет, но затем Вэй Ин поднимает руку, призывая их к тишине, и стучит по гребному талисману, привязанному к веслам, заставляя свою лодку остановиться.

— Здесь что-то есть, — объявляет Усянь, указывая на то место, где его огненные талисманы собрались все вместе на клочке желтоватой грязи. — Убедитесь, что ваши охранные заклинания работают, и приготовьте свои мешочки-цянькунь.

Он не ждет ответа, прежде чем прыгнуть в воду. А-Хун будет держать детей под контролем, он знает, да и, несмотря на все их шалости, его ученики никогда не ослабляют внимания, когда ситуация этого требует.

Грязь смыкается над головой с глухим всплеском, активируя талисман видимости и заклинание «воздух под водой» на его мантиях. Усянь опускается между спутанными корнями кипариса и следует за сиянием огненных чар к стволу особенно большого дерева, одного из немногих в этой части озера, которое осталось нетронутым летом после взрыва Шуайсин. Промежутки между корнями достаточно большие, чтобы, по крайней мере, трое взрослых мужчин могли лечь бок о бок, а некоторые из самых больших — почти пещеры, со стенами из живого дерева вместо камня. В двух из них что-то тёмное подпрыгивает на самом дне, и Вэй Усянь пробивается сквозь кучи затонувших ветвей и скользких лиан, пока не подплывает достаточно близко, чтобы разглядеть, что это такое.

Трупы.

Не то чтобы он удивлен, обнаружив здесь запутавшиеся в деревьях тела; жертвы утопления из водных путей, пересекающих равнину между Цинхэ и Юньмэнем, в конечном итоге, смываются в реку Сунгари каждый год. И большинство из них застревает в растянувшемся на сотни миль болотном лесу, который отделяет Пристань Лотоса от восточных Орденов заклинателей. Орден Юньмэн Цзян был создан, чтобы контролировать негодование, порождённое скопившимися в водах трупами, и в целях безопасности построил свою резиденцию недалеко от рыбацкой деревни на озере Лотоса и охотился на новые одичавшие трупы, которые просыпались в болоте во время каждого сезона муссонов.

Вэй Усянь вытаскивает тела из болотного леса с тех пор, как он стал достаточно взрослым, чтобы летать на мече, но он никогда не сталкивался с такими, кто излучал бы столько возмущенной энергии, а выглядел при этом так же мирно, как трупы в освященных могилах Люфэна. Он достаёт свой защищённый мешочек-цянькунь и с помощью нескольких водянистых нот на Чэньцин отправляет в него два тела, а затем следует за талисманами на несколько футов выше по течению и находит ещё один труп, наполовину погруженный в грязь, со слабыми чёрными линиями, пробегающими от горла к опухшему лицу. После этого, талисманы мигают зелёным, указывая на то, что следующее тело находится почти в километре вверх по реке к Яншо, поэтому Вэй Усянь привязывает мешочек к поясу и отталкивается ото дна озера, всплывая через несколько минут, чтобы сообщить новости Чжэньхуну.

— Тела с отравлением трупным ядом? — растеряно повторяет А-Хун, заглядывая в мешочек, пока Вэй Усянь забирается обратно в лодку. — Но... они не превратились в свирепые трупы, да-шисюн.

— Я знаю, — отвечает Вэй Усянь, активируя чары гребли и направляя учеников дальше вглубь болота. — На них есть следы Стигийской Тигриной Печати. Если бы мне пришлось угадывать, я бы поспорил, что эти трупы прошлой осенью принесло из города И.

— Но А-Лин сказал, что трупы в городе И напали на тебя, — хмурится его двоюродный брат. — Разве они не начали бы создавать проблемы в ту же секунду, как только коснулись бы обиженной энергии в лесу?

Вэй Усянь качает головой:

— Я так не думаю. Трупы, которые мы видели в городе И, были слабее, чем те, что использовал я во время войны, хотя большинство из них оказались в неплохом состоянии. Но с негодованием, исходящим от их кожи, в сочетании с загрязнением от наличия тел здесь, в первую очередь - от остаточной духовной энергии из нашего озера, всего этого должно было быть достаточно, чтобы удержать их от трансформации. Но они заразили воду. Это объяснило бы, почему пылающая чума не распространилась вниз по течению, и почему госпожа Пан заболела всего через два дня после того, как приехала в Яншо.

— Но это всё ещё не объясняет, почему она вообще заболела, не так ли?

— Нет, — кивает Вэй Усянь, наблюдая, как последние лучи света исчезают за толстым навесом над ними, оставляя небольшой флот лодок в почти полной темноте. — Нет, не объясняет.

К тому времени, когда действие талисманов обнаружения, наконец, заканчивается, они вылавливают двенадцать трупов в различных стадиях разложения. Некоторые из них почти свежие, как первые два, найденные Вэй Усянем в корнях кипариса, а некоторые настолько испорчены энергией обиды, что их лица превратились в желе. Несколько Вэй Усянь выкопал из грязи Суйбянем, а три или четыре тела ученики обнаружили, плавающими примерно на шесть метров ниже поверхности, и выловили их с помощью пары сетей с длинными ручками. А потом талисманы Усяня обращаются в пепел, как сигнал, что в пределах досягаемости не осталось трупов, кроме тех, что спрятаны в лодках.

— Мы должны уведомить каждый крупный город от этого места до города И, не так ли? — спрашивает Суйин с тревогой, выплескивая волну чистой воды на голову Вэй Усяня, как только они возвращаются на посадочную полосу, граничащую с озером Лотоса. — Если трупы вызвали здесь чуму, не могло ли это случиться где-нибудь ещё?

Вэй Усянь выплевывает комок грязи изо рта и прыгает с ноги на ногу, пока А-Хун помогает Юй Сиханю убрать лодки.

— Я напишу главе Не и попрошу его рассказать об этом. — Усянь зевает, морщась от внезапной боли в спине, когда он наклоняется, чтобы надеть сапоги. — У него есть люди в каждом порту и в каждом городе в пределах юрисдикции главного заклинателя.

— Мы наметим путь, по которому могли пройти трупы, и завтра проведём расследование, — добавляет А-Хун, провожая своих мокрых, утомленных подопечных на баржу. — Но сейчас мы должны вернуться домой и поужинать, так как утром у детей уроки. И мы должны отвезти трупы в морг Люфэна.

Обратный путь в Пристань Лотоса тихий, но напряжённый; Вэй Усянь трижды чуть не засыпает по дороге, но каждый раз резко возвращается к полному бодрствованию и обнаруживает, что Юй Чжэньхун смотрит в сторону болотного леса, кусая губы, пока Сихань не дёргает его за руку.

— Перестань волноваться, — упрекает юноша. — Брат, ты... Ты не мог знать. И глава Цзян. Глава Вэй нашёл тела только благодаря своему совершенствованию.

Вэй Усянь открывает рот, чтобы заверить Юй Чжэньхуна, что Сихань прав, поскольку традиционные методы заклинательства не могут обнаружить присутствие инертных мертвецов; но А-Хун только закрывает глаза и остаётся так, пока баржа не пристаёт к причалу, где их ждёт Ли Шуай с Юй Минем и Сяо-Ю.

— А-Хун! — кричит она, когда её муж выходит на дрожащих ногах и падает в её объятия. — А-Хун, дорогой, что...

— Позже, — хрипло говорит он. — Вы все, приведите себя в порядок, пока повара не потушили котлы. Ты тоже, глава Вэй.

Ученики обмениваются озадаченными взглядами и расходятся по разным углам комплекса, девочки — в спальню для старших учениц, а мальчики — в большую шумную комнату, которую они делят с младшими учениками мужского пола. Вэй Усянь же направляется в свою спальню с Сяо-Ю, ковыляющим за ним, и наполняет ванну горячей водой, прежде чем скинуть влажную одежду и нырнуть в неё.

— Не трогай это, А-Ю, — просит он, прежде чем ребёнок подойдёт и поковыряется в его мантиях. — Они грязные. Садись на коврик.

Сяо-Ю делает, как велено, плюхается рядом с ванной со своей плюшевой пчелой и жуёт её пушистые крылышки из пряжи.

— А-Ю скучал по маме, — надувается он. — Мама завтра не пойдёт! Оставайся с Сяо-Ю!

— Мне нужно ехать в город утром, дорогой, — смеётся Вэй Усянь. — Но ты можешь поехать со мной. Юй-шушу и я отправимся к целительнице Пан, а потом мы вернёмся и поможем твоей тёте сделать лотосовый чай.

— Чай! — восклицает ребёнок, размахивая своей плюшевой пчелой, пока та не падает в ванну. — Братик-пчела тоже принимает ванну! Он грязный.

За исключением бедной намокшей пчелы А-Ю, остальная часть ванны Вэй Усяня проходит гладко. Он смывает болотную грязь и сливает воду из ванны в озеро после очистки талисманом, а затем надевает лёгкие брюки и садится на кровать, чтобы расчесать свои волосы. Но расчесывать волосы оказывается труднее, чем он ожидал. Расчёска упорно цепляется за что-то на спине, хотя пальцами Усянь не чувствует особенно спутанных волос, поэтому он прекращает усилия и встаёт, чтобы найти бутылочку масла из семян лотоса, которое Лань Чжань всегда наносит на плечи после тренировки.

Когда он пересекает комнату, чтобы добраться до комода, А-Ю отводит взгляд от своей мокрой пчелы и хмурится, хотя Вэй Усянь краем глаза видит только крохотную морщинку на его розовом рту. И тут Сяо-Ю с влажным хлопком роняет братца-пчелу на пол и кричит во всю мощь своих лёгких. Шатаясь, он подбегает к отцу и рыдает в его колени, пока тот стоит, замерев, одну руку всё ещё протягивая к бутылочке с маслом, а другую — опустив на пушистую головку сына.

— Сяо-Ю, в чём дело? — спрашивает Вэй Усянь, наконец, преодолевая шок, и затягивает извивающегося малыша в свои объятия. — Тебе больно, А-бао?

— Сяо-Ю не ранен, — рыдает тот. — Мама ранен! Сяо-Ю видел!

Сбитый с толку Вэй Усянь смотрит на шрам на своей груди, задаваясь вопросом, могло ли клеймо быть тем, что так напугало Сяо-Ю. Но Сяо-Ю видел это клеймо раньше, как минимум дважды, так как он был в комнате, когда Вэй Усянь одевался этим утром и когда он переоделся в ночные халаты прошлой ночью.

— У папы фиолетовые полосы, — причитает Сяо-Ю, пытаясь спуститься на пол, пока Вэй Усянь фактически не роняет его. — Как у Юй-шушу!

— Что ты имеешь в виду, какие фиолетовые...

Но затем он мельком видит своё отражение в зеркале с тройными панелями позади себя и резко замолкает при виде нескольких новых тёмно-фиолетовых полос, разветвляющихся по его спине. У Юй Чжэньхуна, конечно, их больше — его золотое ядро едва сформировалось, когда Юй Цзыюань в первый раз ударила его Цзыдянем, в то время как Вэй Усяню было почти девятнадцать, когда вэньцы прибыли в Пристань Лотоса. Но раны Вэй Усяня, нанесённые хлыстом, тоже зарубцевались, потому что он отдал своё золотое ядро до того, как исцеление завершилось. Полосы на его спине, несомненно, те же, что «подарила» ему госпожа Юй двадцать лет назад: более тусклые, чем у Юй Чжэньхуна, но достаточно широкие, чтобы шрамы, пересекающие его лопатки, цеплялись за зубья расчески.

— Ох, — вздыхает он, убирая волосы в сторону, чтобы лучше их рассмотреть. — Они не болят, А-Ю. Видишь, их можно коснуться, и папа этого даже не почувствует.

Сяо-Ю мотает головой.

— Не буду! — плачет он, вытирая слёзы о свободные брюки Вэй Усяня. — Сяо-Ю не трогает!

После того, как рыдания А-Ю, наконец, стихают, Вэй Усянь проводит остаток вечера, нянча своего сына и кормя его ужином, который Сяо-Ю соглашается съесть только на коленях у отца и с высушенной куклой-пчелой в своих руках. Когда проглатывается последний кусок, Сяо-Ю забирается своими маленькими кулачками в мантию Вэй Усяня и цепляется за неё, как маленький розовый краб, цепляющийся к пальцу. И он остаётся в таком положении до самого заката, когда приходит Юй Чжэньхун, чтобы сказать Вэй Усяню, что шрамы на его спине снова появились после того, как они вошли в болотный лес ранее в тот же день.

— Я видел один из шрамов, когда ты расстегнул воротник на обратном пути, — вздыхает заместитель, поправляя Юй Миня на руках, в то время как Вэй Усянь укладывает Сяо-Ю в постель и целует кончик его носа-пуговки. — Какое-то время я надеялся, что это просто синяк, но я бы узнал одну из отметин Цзыдяня где угодно. Ты их уже видел, не так ли?

— Мн. — Вэй Усянь склоняет голову, похлопывая Сяо-Ю по спине, а потом садится за стол и заканчивает свой ужин в тусклом свете свечей-талисманов. — Сяо-Ю заметил их после того, как я вышел из ванны.

— Что мы будем делать, да-шисюн?

— Подождём, пока моё тело вернётся таким, каким оно было на самом деле. — Вэй Усянь пожимает плечами. — Больше ничего мы сделать не можем, А-Хун. Лекарства госпожи Пан перестали действовать несколько месяцев назад, а от препаратов госпожи Юн меня просто тошнит сейчас.

А-Хун на мгновение прикусывает губу и прижимает Юй Мина к груди.

— А в тех книгах, которые дал тебе глава Не? - настаивает он. — Совсем ничего?

— У меня не было возможности их просмотреть. Но это в основном дневники, а не тексты старых целителей вроде госпожи Пан, так что, я сомневаюсь, что мы там что-нибудь найдем.

— Но, Вэй-цзунчжу...

— Не волнуйся, — мягко говорит Вэй Усянь, беря кусок тушёного корня лотоса и запихивая его в своего кузена. — Я приму это таким, какое оно есть. Но есть ещё дело с трупами, не говоря уже о наводнениях. Ты принёс карту?

Юй Чжэньхун действительно принёс карту, и вместе с Вэй Усянем они изучали её почти час, прежде чем точно определить границы притока реки, протекающей недалеко от города И.

— Трупы не могли попасть в Балинг, — указывает Вэй Усянь, делая небольшую бледную отметку кистью, чтобы обозначить тот факт, что Балинг и Чанлун Яо вне опасности. — И никто из них не пробирался в Цинхэ, иначе Не-сюн уже знал бы об этом.

— Однако они не могли оказаться здесь все. Сюэ Ян убил всех, кто жил в городе И, а мы нашли только двенадцать тел.

— И он начал делать трупы, по крайней мере, четыре года назад, — стонет Вэй Усянь, жуя кончик своего кисти для письма, прежде чем перечеркнуть ещё три водных пути, — но пузырчатая чума появилась только прошлой зимой. В этом нет никакого смысла.

— Трупы могли быть пойманы где-то ещё до прошлогоднего сезона дождей, — предполагает А-Хун. — Прошлый год был самым тяжелым, что я видел с того года, когда ты чуть не утонул в болоте, так что, возможно, они не могли смыть последний отрезок реки Сунгари до наводнения, которое было у нас зимой.

Следующие два часа они проводят, сидя на корточках вокруг низкого обеденного стола, сравнивая даты первого известного случая пузырчатой чумы с датами самых сильных штормов, которые имели место до того, как он появился в Пристани Лотоса. Но, в конце концов, они ничего не могут сделать, кроме как понадеяться, что завтра утром Пан Гаолинь сможет

пролить свет на этот вопрос.

— А если она не сможет, мы просто начнем углублять дно реки. — Вэй Усянь зевает, когда А-Хун встаёт, чтобы уйти с Юй Минем на плечах. — Если... ой, чёрт бы побрал всё от Цишаня и обратно! Мы могли бы сказать что-то об этом на конференции, если бы знали всего пять недель назад!

А-Хун останавливается и качает головой.

— Ты заболел незадолго до конференции, — указывает он. — Кроме того, мы с главой Цзяном не рассказывали тебе о чуме, пока ты восстанавливался после отклонения ци.

Вэй Усянь вынужден уступить последнему аргументу, поэтому он желает заместителю спокойной ночи и тушит тлеющие свечи, прежде чем лечь спать.

* * *

Ранним утром следующего дня в очень быстрой последовательности происходят два события, которые убеждают Вэй Усяня, что остаток дня обязательно будет таким же неприятным, как и его начало. Во-первых, один из комплектов мантий-талисманов Цзян Чэна — те, которые Вэй Усянь обычно надевал для поездок в Люфэн, поскольку они достаточно хорошо сидят на его стройных плечах, после того, как А-Шуай набила для него подплечники тканью — просто исчез из гардеробной ночью, не оставив после себя ничего, что могло бы доказать, что он когда-либо там был. А затем, словно потерять одну из мантий брата было недостаточно, когда Вэй Усянь выходит из своей спальни с А-Ю, зевающим на его плечах, он находит толпу мальчиков-учеников, схлестнувшихся во всеобщей драке на главном причале.

Юй Сихань, кажется, пытается всех успокоить и отогнать маленьких шиди в безопасное место к швейному павильону Ли Шуай, в то время как сама А-Шуай сидит на одной из опор причала, обхватив голову руками. Женщина явно настолько устала от ругани, что просто села там, где была, и стала ждать, пока её племянник справится с проблемой. Девочки же наблюдают за дракой со стороны, наполовину заинтересованные, наполовину обеспокоенные криками мальчиков, и с того места, где он стоит, Вэй Ин видит, что по крайней мере, одна из них отправилась, должно быть, за Юй Чжэньхуном.

Но терпение Усяня уже на пределе, поэтому он вступает в бой и голыми руками разделяет двух мальчишек в центре круга, удерживая их на расстоянии вытянутой руки, и несколько раз встряхивает их, словно пару упорных, взъерошенных котят, прежде чем потребовать объяснений.

— Ян И украл духовный нож да-шисюна! — кричит Ло Мин, извиваясь в руке Вэй Усяня, как червяк на конце рыболовного крючка. — А потом Лю Пин ударил меня, когда я сказал А-И

отдать его обратно, поэтому я ударил его!

Вэй Усянь отпускает детей, щиплет себя за переносицу и передает Сяо-Ю в руки Юй Сиханю, который относит ребёнка к своей тёте и запрыгивает на опору рядом с ней, чтобы наблюдать за происходящим с расстояния.

— Меня не волнует, кто это начал, — строго говорит Усянь, слегка встряхивая Ло Мина и глядя на Лю Пина, — но я это заканчиваю. И, вообще, зачем остальные ввязались во всё это?

Лю Фэн раздувается, как раненая лягушка-бык, и пристально смотрит на Вэй Усяня с видом чистого предательства, и его ничуть не беспокоит тот факт, что мальчик, с которым дрался Ло Мин, его собственный младший брат.

— Лидер Вэй, мы должны были! Когда А-Мин ударил А-Пина в ответ, А-И ударил меня!

Вэй Усянь, возможно, когда-то и был молод, но он совершенно уверен, что его добродушные драки с собственными шисюнами и шиди никогда не начинались из-за такой глупости, как потерянный кинжал.

— Хватит, — возмущается он. — Все вы, проплывите двадцать кругов вокруг резиденции. Давайте, сейчас же!

— Но, лидер Ордена...

На мгновение Вэй Усянь закрывает глаза и умоляет госпожу Гуаньинь сохранить его рассудок:

— А-Мин, ради всего святого ...

— Я просто собирался сказать, что И-шиди не вернул кинжал, — кротко говорит Ло Мин. — Извини, глава Вэй.

— У меня нет дурацкого ножа, — дуетса Ян И и, подняв голову, демонстрирует впечатляющий синяк на своей щеке. — Я сказал вам, что не брал его. Как ты думаешь, почему А-Пин ударил тебя, шисюн?

— Кинжал не имеет значения, — говорит Юй Сихань: хотя он действительно выглядит расстроенным из-за его потери, так как кинжал был выкован из того же куска железной руды, добытой в Мэйшане, что дала начало мечу Баоху Юй Чжэньхуна. — Я бы даже не возражал потерять свой меч, если бы это удержало вас от столь постыдного поведения. А теперь слушайте главу Вэя и делайте свои круги.

— Но я знаю, что это был А-И! — Ло Мин протестует. — Он выше всех нас, даже если моложе, и

прямо перед рассветом я видел тень его роста, стоящую у кровати да-шисюна!

— Я даже не двинулся прошлой ночью! — Ян И ревет, выходя за рамки вежливости. — Я спал!

— А-И! — рывкает Вэй Усянь, прежде чем мальчики снова начнут драться. — Прежде всего, ты знаешь правила о боях так же, как и я — никаких драк между классами учеников, только с учениками своего возраста, и шисюн из более высокого класса никогда не должен наносить ответный удар своему шиди. Точно так же, это верх неуважения для шиди — ударить шисюна старше, чем его собственная группа, за исключением случаев самообороны, так что, вы все виноваты!

Мальчишки переминаются с ноги на ногу и виновато смотрят в пол.

— Ну? — говорит Вэй Усянь, приподняв бровь. — Всем вам нужно заняться доставкой во второй половине дня, не так ли? Тогда почему вы всё ещё здесь?

Ло Мин испуганно пищит и бросается к концу причала, на ходу снимая с себя одежду перед тем, как прыгнуть в воду и плыть к южной стороне Пристани Лотоса. Остальные мальчишки-ученики следуют его примеру, застилая доски причала одеяниями разных оттенков пурпурного. И как только последний ученик оказывается в воде, на причал вылетает А-Хун, с перекошенными мантиями и растрёпанным пучком на голове.

— Что случилось? — задыхаясь, спрашивает он, прижимает ладонь к боку, и Сяо-Ю сочувственно гладит его по спине. — Я оставил их только на мгновение, чтобы забрать пластинки для госпожи Пан.

— Мой кинжал пропал, — мрачно говорит Юй Сихань. — Не думаю, что кто-то из них его взял, но Ло Мин постоянно повторяет, что вчера вечером видел, как кто-то прошёл мимо моей тумбочки, и он говорит, что этот кто-то был ростом с Ян И, поэтому он убежден, что А-И случайно сломал кинжал и выбросил его.

— Однако защита на двери спальни не была разрушена. И ничто не может сломать этот кинжал, кроме Баоху, в любом случае, — замечает А-Шуай, подкидывая Сяо-Ю на коленях. — Должно быть, кинжал где-то потерялся, А-Хань. Не волнуйся, он найдётся.

— Сяо-Ю видел нож, — хрипит ребёнок. — Вчера видел.

Вэй Усянь подхватывает сына на руки, чмокает его в лоб и усаживает в корзину.

— Да, ты видел, — воркует он, закутывая ребёнка в толстую синюю мантию, чтобы уберечь от осеннего холода, и обращается к Юй Чжэньхуну: — Я полагаю, дети сами разберутся, или я попрошу тебя отругать их в следующий раз. Ты готов к работе, Чжэньхун?

А-Хун поднимает руки, демонстрируя толстый бумажный свиток и двенадцать мешочков для ловли трупов, которые втиснуты в тринадцатый мешочек-цянькунь, свисающий с его локтя.

— Готов, глава Вэй.

Они втроём достигают лазарета Люфэна к девяти утра, немного раньше назначенного времени, но госпожа Пан с пренебрежительным жестом говорит Вэй Усяню, что он мог приехать и на час позже, если пожелает. В это время года дела в лазарете идут медленно, так как самые распространённые болезни можно вылечить с помощью простого рецепта от её сестры — аптекаря Пан.

— Последние две недели я лечу только простуду, и случайные травмы тут и там, — говорит она и ведёт Усяня в холодную заднюю комнату, которая служит моргом, по пути заглядывая в столовую, чтобы оставить Сяо-Ю с учениками. — Я могу работать здесь весь день, если я тебе нужна, глава Вэй. А где трупы?

— Вот. — А-Хун раскладывает двенадцать мешочков-цянькунь на железном лотке. — Всего их дюжина, госпожа.

— Мы выловили их в болотном лесу, — объясняет Вэй Усянь, пока целительница Пан натягивает пару защитных перчаток и выталкивает первое тело на плиту. — Хотя я не знаю, как долго они были мертвы. Я даже не мог узнать об этом с Чэньцин.

— Нет духа? — спрашивает врач, издавая горлом тихий удовлетворенный звук, когда Вэнь Усянь кивает. — Я так и подозревала.

Она берёт тонкий нож и тремя аккуратными движениями срезает одежду с трупа. Прищурившись, рассматривает чёрные вены на бледной коже, прежде чем подойти к голове и послать заряд духовной энергии в верхнюю часть черепа.

— Мужчина лет сорока, — бормочет она. — Я бы сказала, из обеспеченной семьи. Или, по крайней мере, он никогда не нуждался в пище.

— Откуда ты знаешь?

— Его кости в отличном состоянии, даже если большая часть его плоти исчезла, — насмешливо говорит целительница, — а что касается его возраста, я могу определить его, посылая духовную энергию сквозь зубы.

Аналогичным образом она проводит осмотр остальных тел, вытягивая черную кровь из их набухших вен и обследуя их сердца и печень так быстро, что молодой младший целитель, сопровождающий её, каждые пять минут вынужден подпрыгивать, чтобы положить на стол новый очищающий талисман. Десять из двенадцати трупов осматриваются в течение часа,

прежде чем их увозит на сохранение пара женщин в масках. Ближе к полудню госпожа Пан проверяет мёртвую кровь, сравнивая её с образцами, взятыми ею у пациентов в Яншо, и определяет, что именно эти трупы, без сомнения, вызвали пузырчатую чуму.

— И вы уверены, что их больше нет? — мрачно спрашивает целительница, когда они направляются в её кабинет с Сяо-Ю на буксире. — Само собой разумеется, что чума была распространена только в Яншо, и что я подхватила её только через три дня после прибытия туда. Но это всё ещё не объясняет, почему с тех пор никто в деревне не заболел.

— Или почему ты вообще заболела ею, — тихо говорит Вэй Усянь. — Все заклинатели, заболевшие пылающей чумой, никогда не проходили формирование ядра первой стадии, кроме тебя. И эти трупы не объясняют, почему у целительницы, которая вылечила тебя, было более слабое золотое ядро, чем у большинства моих учеников.

Госпожа Пан закрывает глаза.

— Ты говоришь о Лан Сянь, не так ли?

— Откуда она взялась? — спрашивает Вэй Усянь. — Реестр заклинателей зарегистрировал её в возрасте двадцати лет, но до этого о ней нет никаких записей. Она ведь не проходила здесь обучение, я прав?

— Нет, не проходила. Она вообще не училась. Три года назад купец нашёл её, лежащей на берегу реки, примерно в тридцати милях вверх по течению, и довёз на лодке до Люфэна, чтобы я могла её вылечить.

Вэй Усянь моргает.

— Зачем он привёл её к тебе? Разве в следующем городе нет трёх собственных врачей?

— Он привел ко мне Лан Сянь, потому что кто-то избил её до такой степени, что её собственная мать не смогла бы её узнать, — прямо говорит госпожа Пан. — Целители в Дунву могли, конечно, спасти ей жизнь, но купец привел её сюда, потому что мне пришлось реконструировать её лицо. А потом она оставалась в лазарете следующие два года в качестве одной из моих учениц, пока не встретила фермера из Яншо на рынке и не покинула Люфэн, чтобы выйти за него замуж. — Госпожа Пан на мгновение останавливается и, помолчав, продолжает: — Лан Сянь достигла только зарождающейся стадии формирования ядра к тому времени, когда покинула лечебницу. Но ведь эта ваша книга пишет сама себя, не так ли? Если бы она достигла второго этапа, после того, как её имя было внесено в указатель, её запись изменилась бы так, чтобы сказать об этом.

Юй Чжэньхун кивает.

— Это кровавые чернила, привязанные к золотому ядру заклинателя, — объясняет он. — Нам пришлось написать да-шисюна своей кровью, когда он развил демоническое совершенствование, поскольку у него ядра нет.

Госпожа Пан рассеянно кивает.

— Я не знала, что она выросла до второй стадии, — размышляет она. — Когда Лан Сянь входила замуж, она ничего не взяла, чтобы продолжать совершенствоваться, кроме исцеляющих текстов, которые моя сестра купила для неё. И она, в любом случае, была далеко не в том возрасте, когда большинство практикующих начинают своё обучение. Я была поражена тем, что её дантянь вообще сумел сохранить золотое ядро.

* * *

...Итак, мой Лань Чжань, наше расследование доказало две вещи, которые я должен был знать с самого начала. Во-первых, чума была вызвана испорченными телами, смытыми рекой Сунгари из города И, а, во-вторых, пожиратель земли и чума не имеют абсолютно никакого отношения друг к другу. Не проводилось никакого демонического ритуала для создания трупов. Был только трупный яд, который Сюэ Ян использовал на жителях города И. Мы думали, что пожиратель земли вызвал чуму только потому, что они появились в одном и том же месяце, хотя, насколько нам известно, пузырчатая чума могла даже появиться первой.

А ещё есть вопрос о Лан Сянь, деревенской целительнице, о которой я так мало знаю, несмотря на то, что она вылечила смертельную болезнь, которую не смогла вылечить даже госпожа Пан; всё, что я могу сказать наверняка, это то, что рассказали мне А-Хун и целительница Пан. И мне точно известно, что они никогда не знали её по-настоящему хорошо. Насколько я понял, её нашли на берегу реки, потом она жила некоторое время с целительницей Пан, а затем уехала в Яншо, где вышла замуж и родила ребёнка, а потом её муж скончался. Кажется, никто больше ничего не знает о ней, и я точно не могу подойти к ней сам. Жители Яншо — отшельники, которые отвергают внешний мир и входить в поселение без разрешения считается нарушением высшего порядка, даже если тот, кто преступник — лидер Ордена по доверенности.

Твой в великом недоумении, мой дорогой — Вэй Ин.

PS — Лань Чжань, у тебя есть какие-нибудь идеи, как помешать таким маленьким плюшкам, как наш Ю-эр, говорить то, чего им не следует? Духовный кинжал Юй Сиханя пропал вчера утром, и младшие подрались, когда начали спорить о том, кто мог его взять. А Сяо-Ю, по какой-то причине, всё время повторяет, что он видел, где он. Конечно, это безобидно, поскольку он всего лишь ребёнок, но я бы предпочёл вообще не поднимать этот вопрос. Ученики целый день ворчат по поводу кинжала, и я могу потерять рассудок и утопиться в озере, если они когда-нибудь вспомнят об этом снова.

* * *

— Сяо-Ю, где ты видел нож? — спрашивает Юй Сихань на третий день после того, как его кинжал исчез. Глава Вэй оставил ребёнка на его попечение, а сам вместе с Юй Чжэньхуном отправился ещё раз проверить талисманы затопления в доках, и с тех пор А-Ю не переставал спрашивать о кинжале, поэтому Сихань решил немного подшутить над малышом, а затем отвлечь его чашкой сладкого соевого молока перед сном. — Скажи Ханю-гэгэ, и я обязательно поищу его там.

— Сяо-Ю не знает, где он находится. — Ребёнок зевает, поднося игрушечную пчелу к лицу Сиханя и заставляя её поцеловать. — Но он был у мамы вчера. Сяо-Ю видел.

«Вот тебе и подшутил над младенцем, — криво усмехается Сихань, поддерживая дно чашки, чтобы А-Ю мог пить из неё, не проливая соевое молоко на свою пчелу. — Думаю, я просто обыщу спальню ещё раз, после того, как брат вернётся домой.

<http://tl.rulate.ru/book/123067/5160794>